

(стр. 185 и сл.). Характерно отметить, что в учебно-методическом пособии для студентов-заочников, составленном проф. Н. А. Машкиным, также напечатано «Дракон» (стр. 45, изд. 1948 г.). В «Хрестоматии по истории древнего мира», ч. II, 1951, жителей Керкиры называют «керкирцы» (стр. 179), а в рецензируемом нами учебнике — «керкиряне» (стр. 280). Количество подобных примеров может быть легко увеличено.

Книга В. С. Сергеева сможет стать хорошим учебником, но при обязательном условии ее коренной, творческой переработки, особенно в идейно-политическом направлении.

С. Бенклев

АРХЕОЛОГИЯ, т. V, Киев, 1951

Очередной рецензируемый том «Археологии» был подписан к печати 13 мая 1951 г. и вышел в свет к знаменательной дате — к первой годовщине появления гениальных работ И. В. Сталина по вопросам языкознания. Это — первое издание Института археологии АН УССР, появившееся после разоблачения «нового учения» о языке Н. Я. Марра. Сборник открывается украинским переводом работы товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». За ним следует редакционная передовая статья «Великий вклад в сокровищницу науки».

Естественно было ожидать, что в сборнике найдут отражение работы украинских археологов, направленные к искоренению «наследия» Марра в археологии и к решению значительных исторических проблем в свете указаний товарища Сталина. Но уже упомянутая выше передовая вызывает крайнее недоумение. Важнейшему событию современной науки, открывшему перед советской археологией огромные перспективы и являющемуся для нее неисчерпаемым источником творческих идей, редакция посвятила лишь неполные две страницы, на которых очень кратко повторены избранные положения из работ товарища Сталина. Какой смысл в подобной «передовой»? В статье нет ни развернутой критики марровских взглядов в археологии и, в частности, в работах украинских археологов, ни конкретных выводов относительно дальнейшей работы Института археологии АН УССР. Может быть, украинским археологам нечего критиковать? Может быть, они были свободны от марровских ошибок? Достаточно обратиться к статье директора института и ответственного редактора сборника «Археология» действительного члена АН УССР П. П. Ефименко «К вопросу об истоках культуры эпохи поздней бронзы на территории Волго-Камья», опубликованной во II томе «Археологии», чтобы прийти к противоположному выводу. Статья полностью построена по марровской стадияльной схеме. Немало таких же ошибок и в большом труде П. П. Ефименко «Первобытное общество». Наконец, даже в самом V томе, в статье И. В. Фабрициус, весьма чувствительно влияние взглядов Марра.

Советские археологи, лингвисты, историки и философы проделали за год значительную работу по искоренению марровских ошибок. Эта работа нашла уже отражение в печати. Почему же редакция «Археологии» не нашла слов для характеристики или хотя бы упоминания этих работ? Участвовали ли в них киевские археологи, что сделали они за истекший год — не ясно ни из редакционной статьи, ни из содержания сборника. Ни одна статья не поднимает больших теоретических проблем, связанных с дискуссией по вопросам языкознания и с трудами товарища Сталина. В результате этого многие статьи рецензируемого сборника, посвященные конкретным историческим проблемам, содержат грубые ошибки и свидетельствуют об отставании их авторов в области теории.

Сборник подразделяется на четыре отдела: 1) статьи и исследования, 2) заметки об археологических памятниках УССР, 3) сообщения и публикации, 4) хроника. Деление это весьма условно; непонятно, в частности, чем отличается статья И. Г. Ш о в к о п л я с а «Жилища Супоневской палеолитической стоянки», помещенная в первом отделе, от статей А. И. Тереножкина «Курган Сторожевая могила» или

В. А. Ильинской «Курган Старшая могила», опубликованных во втором отделе (кстати, исследовательская часть в двух последних статьях гораздо сильнее). По сути дела, подавляющее большинство статей сборника, за исключением работ В. А. Богусевича, И. В. Фабрициус и М. Ю. Брайчевского, посвящено публикации отдельных археологических памятников УССР и полностью укладывается в рамки второго отдела. Из упомянутых трех статей более общего характера две последние отнюдь не являются украшением сборника¹.

Статья М. Ю. Брайчевского «К вопросу о так называемых римских влияниях в культуре древних славян» посвящена малоисследованной проблеме характера и значения экономических и культурных связей римских провинций и городов Северного Причерноморья с древними славянами в первые века нашей эры. Автор статьи отвергает условные термины «римское время», «период римского влияния», применявшиеся в польской и советской исторической литературе, так как они не отражают «сути культурного развития местного населения» (стр. 81), и предлагает называть эпоху I—VII вв. н. э. в жизни восточных славян антским периодом. М. Ю. Брайчевский не смущается тем обстоятельством, что термин «анты» впервые встречается у древних авторов VI в. в связи с событиями второй половины IV в. н. э., а до этого славяне именуются венедами (Плиний, Тацит, Птолемей). Анты, повидимому, не этнический, а политический термин — название племенного союза, сложившегося в процессе борьбы части славянских племен с готами в III—IV вв. н. э. М. Ю. Брайчевский пишет: «Господствует точка зрения относительно большой роли, которую якобы римская культура, как „более высокая“, имела для развития местных культур» (стр. 91). находки римских вещей и некоторые черты провинциально-римской культуры в местном ремесленном производстве имеют, по мнению автора, чисто формальное значение для характеристики связей древних славян с Римской империей. М. Ю. Брайчевский, повидимому, отрицает прогрессивное значение экономических и культурных связей древних славян с Римской империей.

Главной статьей вывоза в Римскую империю М. Ю. Брайчевский называет хлеб и возможно, рабов, он сомневается в том, что торговля продуктами лесных промыслов — медом, воском, пушниной, а также янтарем могла иметь серьезное значение в полную противоположность с последующим временем Киевской Руси. Автор указывает, что скифы-пахари, обитавшие, по его мнению, в лесостепной полосе современной УССР, производили хлеб не только для собственного потребления, но и на продажу. Но подобная локализация скифов-пахарей не вытекает из текста Геродота (IV, 17) и помещать зерновую базу Ольвии далеко на севере, в лесостепной области нет никаких оснований. В римское время античные авторы ни разу не упоминают о вывозе хлеба из внутренних областей Северного Причерноморья. Эпитафия Плавтия Сильвана говорит о вывозе хлеба из Херсонеса, который, как известно, находился далеко от областей древних славян. Необходимо также иметь в виду, что в первые века н. э. в причерноморских степях господствовали воинственные сармато-аланские племена. Когда Египет перестал удовлетворять потребности Рима в хлебе, Северное Причерноморье, по мнению М. Ю. Брайчевского, превратилось в житницу Римской империи, и именно это обстоятельство было основной причиной римской экспансии на северном берегу Понта. Удивительно после всего сказанного, почему античные авторы ничего не сообщают нам по этому вопросу. Торговля, по мнению М. Ю. Брайчевского, имела для римлян пассивный характер, что приводило к отливу серебра из Римской империи. Этим обстоятельством объясняется громадное количество римских монет, находимых на славянских землях. Но список вещей римского производства, найденных на территории современной Польши и Западной Украины, приведенный К. Маевским в его работе «Importy rzymskie na ziemiach slowiah» скісь достаточно велик, а поселения этого времени исследованы еще совершенно недостаточно; поэтому такой вывод еще преждевременен. Кроме того, возможно, что римские

¹ Рецензия на статью И. В. Фабрициус написана А. И. Тереножкным, см. ниже стр. 117 сл.

серебряные монеты рассматривались древними славянами не только как денежные знаки, но и в качестве металла и проникли на славянские земли не только в результате торговли.

Попытка поставить важный теоретический вопрос в статье М. Ю. Брайчевского не увенчалась успехом. Автор модернизирует историческую жизнь древних славян в первые века нашей эры. Увлеченный социологическими рассуждениями и предвзятыми схемами, он игнорирует источники и бесспорные исторические факты.

Небольшая статья львовского археолога А. В. Фенина «Находки римских монет в Прикарпатье», основанная на тщательном анализе монетных кладов и отдельных находок, посвящена изучению характера и значения экономических и культурных связей между Римской империей и восточными славянами. В своих выводах о причинах ввоза римских монет и ремесленных изделий в Прикарпатье автор принимает основные положения Б. А. Рыбакова и П. Н. Третьякова, высказанные ими по этому вопросу в отношении Восточной Европы. Автор правильно указывает на важную роль связей местных земледельческих племен с античным миром. Конкретные выводы А. В. Фенина не всегда достаточно обоснованы фактическим материалом, причем, следуя за киевским археологом М. Ю. Брайчевским, автор модернизирует историческую жизнь славянства в эту эпоху. Без достаточных оснований он говорит о внутреннем обращении римских монет в Прикарпатье и Приднепровье и на основании одного лишь клада выдвигает предположение об их обращении вплоть до эпохи Киевской Руси, когда они были, по мнению автора, заменены византийскими и арабскими монетами. Основным экспортным товаром восточных славян А. В. Фенин считает зерно, что никак нельзя доказать археологическими материалами и свидетельствами античных авторов. Все же, несмотря на некоторые недостатки, статья А. В. Фенина очень интересна как по фактическому материалу, так и по своим выводам.

Интересна статья В. А. Богусевича «Происхождение и характер древнерусских городов Поднепровья», посвященная вопросу, еще мало разработанному в советской исторической литературе. Общие положения статьи кажутся справедливыми, хотя и недостаточно обоснованы археологическими фактами.

Ряд статей сборника представляет несомненную ценность как по публикуемому в них материалу, так и по его интерпретации. Таковы статьи Э. А. Сымавовича, А. И. Тереножкина, В. А. Ильинской, П. И. Борисковского. Интересны статьи А. И. Тереножкина «Поселения белогрудовского типа близ Умани» и «Курган Сторожевая могила» и Е. Ф. Покровской «Поселения предскифского времени в бассейне р. Тясмина». Они вводят в научный обиход интересные материалы, относящиеся к предскифской эпохе, что особенно важно для выяснения вопроса о происхождении скифской культуры лесостепной Украины. В них дается не только описание материала, но и показано место публикуемых памятников среди остальных и определено их время.

Публикация В. А. Ильинской «Курган Старшая могила — памятник архаической Скифии» посвящена одному из самых интересных и до сих пор не изданных памятников ранне-скифского времени лесостепного левобережья. Автор с большой убедительностью доказывает неправильность существующего представления о позднем времени этого кургана и определяет дату вслед за Б. Н. Граковым первой половиной VI в. до н. э. Анализ найденных в кургане вещей позволяет наметить черты, характерные только для Посульской группы памятников, а также проследить связи как с Правобережьем, так и с Кавказом.

Статья И. Г. Шовкопляса посвящена изучению Супоневской палеолитической стоянки. Исследованиями 1926—1927 гг. на ней открыты скопления кремневых орудий, костей, золы и угля, которые автор считает остатками жилищ-полуземлянок или хозяйственных сооружений. Жилища разделены на две группы. Первую составляют прочные полуземлянки с углубленными очагами, вторую — легкие жилища без больших очагов. Описание этих сооружений представляет определенный интерес. К сожалению, автор полностью опускает характеристику материала стоянки, который, по его же словам, оставался до настоящего времени не только не опубликованным, но

в значительной мере не изученным. Поэтому датировка стоянки поздним палеолитом остается голословной.

В. Н. Даниленко опубликовал интересную и, безусловно, заслуживающую издания и исследования стелу из Натальевки. Он относит ее к группе известных уже по литературе стел (стелы из Тиритаки, из Белозерского могильника и др.) и доказывает принадлежность этой стелы киммерийцам. Мысль автора не нова, ее уже неоднократно высказывал В. Ф. Гайдукевич (МИА, IV, стр. 39; «Боспорское царство», стр. 31).

Однако В. Н. Даниленко, не ссылаясь на мнение Гайдукевича, пытается самостоятельно обосновать принадлежность стел киммерийцам. Тем более внимательно автору следовало подойти к вопросу о датировке стел, рассмотреть каждую из них, определить условия находок и проанализировать соответствующие комплексы. Между тем В. Н. Даниленко не исследует ни одного комплекса, с которыми связаны стелы, ни для одного случая не указывает с должной четкостью условия находки. Вряд ли может считаться убедительным признаком то, что белогрудовские стелы были найдены вблизи поселения эпохи поздней бронзы или раннего железа. Автор указывает, что стелы найдены давно и условия их находок установить трудно: этим объясняется отсутствие анализа обряда и инвентаря. Однако там, где это нужно для его выводов, В. Н. Даниленко ссылается на признаки погребений, не называя их. Так, он указывает на ряд признаков (каких?), по которым белозерские курганы сближаются с курганами у Степного, близ Элисты. Не производя анализа инвентаря и обряда кургана № 52 белозерской группы, с которым связана одна из стел, он абсолютно голословно утверждает, что курган этот нельзя считать таким же древним, как выделенные Горюповым ямные погребения.

В. Н. Даниленко останавливается еще на двух моментах, доказывающих, по его мнению, принадлежность стелы из Натальевки к киммерийскому времени. Первым является изображение булавы и топора: этот признак, по меньшей мере, спорный, поскольку датировка этих форм не доказана, а сравнение топора с топорами из Бородинского клада произвольно и, очевидно, ошибочно. Топор представлен очень условно, о типе его судить очень трудно. Никаких признаков, характерных для бородинских топоров, он не имеет. Вторым моментом, доказывающим, по мнению автора, принадлежность стелы киммерийскому времени, является передача полностью сложившегося уже образа воина, чего якобы не могло быть в более раннюю эпоху. Однако вне связи с другими основными датирующими данными это соображение не может быть решающим.

Наконец, автор рассматривает не только стелу из Натальевки, но целую группу стел, и решает вопрос датировки для всей группы в целом. Между тем, сведение указанных им стел в одну группу и принадлежность их одной эпохе ничем не доказаны. Таким образом, основное положение статьи — принадлежность стелы из Натальевки киммерийской эпохе — не получило должного обоснования. А между тем известный В. Н. Даниленко и упоминаемый им курган № 52 из Белозерской группы позволил некоторым исследователям выдвинуть иную датировку связанной с ним стелы: они относили ее к эпохе древнейших погребений. Автор отрицает эту датировку, не опровергая ее. Совершенно неуместна ссылка на погребения в ямах, относящиеся к более поздней эпохе (например, катакомбной), — ведь эпоха ямных погребений выделяется не по форме могильной ямы (в прямоугольных ямах хоронили во все эпохи), а по всем особенностям обряда и инвентаря. Исследования последних лет показали, что вопрос о принадлежности определенных стел к эпохе ямных погребений нельзя снять так просто, как это делает автор. Б. Н. Граковым и А. И. Тереножкиным стелы были найдены над ямными погребениями, связь между ними несомненна. Автор мог не знать этого нового материала, по данным прежних раскопок, а также наличие близких по типу стел в энеолите Западной Европы должны были быть учтены более внимательно. Связь каменных изваяний с древнейшей культурой заставит пересмотреть все наши представления о племенах раннего бронзового века степей Восточной Европы, культура которых отнюдь не была столь примитивной, как думает В. Н. Даниленко. Все это позволяет подвергнуть сомнению утверждение автора о том, что описанные им

стелы «с большим правом, чем другие памятники (например, металлические изделия или керамика), могут рассматриваться как археологические свидетельства жизни киммерийцев». Тем самым многочисленные общие выводы автора лишаются каких бы то ни было оснований, поскольку сделаны они безотносительно к конкретному материалу.

Так, автор устанавливает, что воин изображен обнаженным (во всяком случае до пояса) и на этом основании делает исчерпывающее заключение о его костюме. Костюм этот относится к «северно-средиземноморскому» типу одежды. «Надо думать,— пишет Даниленко,— что одетые и снаряженные подобным образом воины жили на берегах южных морей Европы, отображая первую ступень социально-экономического развития. Это были представители тех форм пехотной и колесничной военной организации, которая предшествовала конной военной организации времени Скифии и Гальштата». Он переходит к этнической характеристике киммерийцев, утверждая, что они были «этносом на первой фазе его становления». Решение этого вопроса без учета указаний, данных товарищем Сталиным в труде «Марксизм и вопросы языкознания», невозможно. Автор не учитывает их, дает путающую и неконкретную характеристику «этноса (народа)» и совершает грубую фактическую ошибку, относя киммерийцев к народности, в то время как они представляли собой племена или союз племен.

Странным также представляется вывод о киммерийском центре в Приднепровье, основанный не на исследовании конкретного материала, а на фантастическом сопоставлении Таргитая с тирагетами.

Общее впечатление от рецензируемого тома оставляет желать много лучшего. Редакция «Археологии», очевидно, еще не перестроила своей работы в соответствии с теми требованиями, которые выдвигает перед советской археологической наукой классическая работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

В. В. Кротошкин и Н. Я. Мерперт

* * *

И. В. ФАБРИЦИУС, «К вопросу о топографизации племен Скифии» (Археология, т. V).

Статья Фабрициус опубликована в дискуссионном порядке. Нельзя не согласиться с автором, что «вопрос о топографизации племен Скифии является одним из основных при разрешении проблемы происхождения восточных славян...» (стр. 80). Постановка его вполне своевременна и актуальна. Особый интерес данной работы заключается и в том, что она в некоторой степени является как бы кратким итогом многолетних скифоведческих исследований (с 1938 г.), которые велись автором в Институте археологии АН УССР (стр. 50).

И. В. Фабрициус руководствуется «методом порегионального изучения археологических памятников», суть которого сводится к выявлению локальных вариантов скифской культуры. Применяя этот метод, она еще в 1946 г. выделила в Скифии 14 таких «регионов», которые в сопоставлении со сведениями Геродота, по ее мнению, должны дать «весьма твердую основу для восстановления этнокарты Скифии» (стр. 51).

Рассматривая Скифию в пределах геродотовского «четырёхугольника», И. В. Фабрициус устанавливает, что она приблизительно соответствовала территории УССР без ее западных областей. Ставя перед собою задачу выяснить топографию собственно скифских племен, автор исключает из своего обзора все те племена, которые лишь граничили со Скифией, причем учитывает только факты, относящиеся по времени не позднее V в. до н. э. «Итак,— пишет И. В. Фабрициус, перечислив исключаемые из исследования племена,— в середине Скифии остаются следующие племена: четыре скифских — кочевники царские (базилиды, „аристократы“, благородные, вольные) и подчиненные кочевники (просто „номады“), георги (земледельцы), аротеры (пахари); каллипиды (смешанное греко-скифское население около Ольвии); алазоны, будины и гелоны, причем последние три — племена не скифские» (стр. 54).